

Широкова Ангелина Владимировна

канд. филос. наук, доцент

Филиал ЧОУ ВО «Московский университет

Им. С.Ю. Витте» в г. Нижнем Новгороде

г. Нижний Новгород, Нижегородская область

ДУХОВНО-ТВОРЧЕСКИЕ ОСНОВЫ

В ФИЛОСОФИИ ХОЗЯЙСТВА С.Н. БУЛГАКОВА

Аннотация: в статье рассматриваются взгляды С.Н. Булгакова на экономику посредством философии. Автор отмечает, что С.Н. Булгаков анализирует окружающую человека природу, рассматривает развитие науки, в частности, экономику. Пытается обнаружить в науке и жизни духовно-творческое начало, способствующее раскрытию возможностей человеческой личности.

Ключевые слова: философия хозяйства, духовность, творчество, экономика, человек.

Актуальность данного исследования связана с тем, чтобы найти в жизни, науке, сферах общества духовные и творческие основы, способствующие просвещению человека. Так как просвещение содержит в себе не только когнитивную составляющую, знания, но и духовно-творческое начало, способствующее реализации всего потенциала личности человека.

Обратимся к одному из представителей русской философии С.Н. Булгакову. Он утверждает, что природа рассматривается в основном как механизм. Наличность мировых элементов не подвергается изменению или увеличению. На основании закона сохранения мировых элементов все перемены в мире следует понимать только как результат механического взаимодействия этих элементов. Всякое новое творчество, обогащение мира, его рост заранее

исключаются [1, с. 233–234]. Действительно, понимание природы как механизма или машины усложняет ее обогащение, развитие творческого начала в ней.

По мнению другого философа природа существует по своим строго определенным законам. Кант объяснял закономерность природы познавательным а priori, по его учению закономерность вносится в природу разумом. Впоследствии Гегель, развивая мысль Канта в метафизическую систему, попытался построить законы природы а priori как дело универсального, сверхприродного и в эмпирии не нуждающегося, но ее полагающего как момент своего развития разума. Действительно, посредством воли намерение преобразует действительность.

Конечно, у Канта в теории рассматривается рассудок, который отвечает за улавливание причинно-следственных связей в природе, этот как бы схематизм. Кант рассматривает законы свободы, как подведение своего поступка под категорический императив, некий нравственный всеобщий закон. И Кант выделяет способность суждения, как возможность синтеза рассудка и разума [4]. Данная способность суждения не является механической, так как не имеет ничего общего с механизмом природы, например, восприятие произведения искусства. Оно оставляет один и тот же отклик в нескольких людях при его восприятии. Важно учитывать, что эти люди перед восприятием произведения искусства не сговаривались.

Далее продолжает С.Н. Булгаков, что очеловечивание природы означает ее одухотворенность. Превращение всего «космического механизма в потенциальный или актуальный организм, в преодоление необходимости свободой, механизма организма, причинности целесообразностью, как очеловечение природы» [1, с. 80]. Природа представляет собой в основном механическую данность, подчиненную причинно-следственным связям. Человек же является собой творческую причинность, подчиняя свою жизнь целесообразности. Роль

2 <https://phsreda.com>

Содержимое доступно по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

человека заключается в том, чтобы подчинить себе природный механизм и придать ему определенный вид. Вдохнуть жизнь в необходимость, наполнить причинность свободой, заменить механичность организмом.

Наука есть изучение «фактов» природы, говорит Булгаков. Наибольшая часть открытий науки относится именно к открытию новых фактов, а именно расширению и углублению мира, представляющегося невооруженному глазу и обыденному сознанию [1, с. 212]. Науке же намного проще схематизировать мир для более детального его изучения. По мнению Булгакова данную стезю в науке начал Кант, схематизируя весь мир из своего рабочего кабинета. Продолжили эту линию Коген, Наторп, Риккерт, Виндельбанд, Ласк, Гуссерль и другие. По мнению же Булгакова наука представляет собой факты, совокупность фактов, а значит чувственный опыт. Вообще говоря, Булгаков обвиняет Канта в схематизации, кабинетной философии. Но Кант ничего не допускал помимо опыта, чувственного восприятия мира. Этот «схематизм нашего рассудка в отношении явлений и их чистой формы есть скрытое в глубине человеческой души искусство» [5, с. 127–128]. Схематизм Канта очень напоминает процесс мышления человека. Эмпирическое понятие «относится к схеме воображения как правилу определения нашего созерцания сообразно некоторому общему понятию» [5, с. 127–128]. Он обозначил понятием «вещи в себе» те явления сознания, которые недоступны опыту и предложил онтологический метод познания данных явлений.

Булгаков противопоставляет Канту реальное осязание при постижении природы, в противоположность его схематизму. И если в реальном, а не в идеальном только существовании трех талеров можно убедиться, лишь пощупав карман, так и в реальном существовании теоретически построенной природы мы убеждаемся, лишь ее осязая, а именно выходя за пределы теоретического понятия [1, с. 225]. Вообще, Кант отмечает наличие пропасти между сферой природы и сферой свободы. В первой у него обозначено действие формальной

логики. Во второй, – человеческие поступки, которые подчиняются или нет категорическому императиву.

При научном взгляде на мир все внимание переносится на объект. Субъект как будто совершенно исчезает, прячется, остается только изучаемый объект. Это и есть чистая научность, научное отношение к миру [1, с. 231]. У Канта есть и понимание схематизма, и совершение человеком определенного поступка легального или морального. Но Булгаков критикует Канта за то, что познание полностью направляется на объект, а субъект утрачивает свою познавательную активность. Жизнь утрачивает здесь свою одухотворенность и рассматривается как объект, то есть механизм.

Философия Канта есть философия созерцания, а не действия как считает С.Н. Булгаков. Субъект и объект здесь лишь противопоставлены друг другу, и деятельность разума состоит лишь в наполнении трансцендентальных схем познания. Кантовская материя лишь априорна, а не апостериорна, потому что для того, чтобы установить апостериорную ощущимость природы, испытать познавательное *a priori* в действии, субъект должен сойти с трона созерцания и замешаться в толпе. Практический разум у Канта заключен в воле. Кант сам сознал эту невозможность утвердить объективность нашего опыта в одном субъекте, и отсюда зародилась у него необходимость искать опоры вне заколдованных кругов субъективизма. Этую точку опоры в субъекте он нашел только вне разума, именно в воле, назвав ее метафорически практическим разумом [1, с. 90–92]. Все же Кант нельзя отнести полностью к созерцателю. Кант пытается при построении своей системы определять категории, но он ясно и четко обозначает, что, например, «вещи в себе» находятся за пределами чувственного опыта. Относительно категорического императива он выделяет два вида поступков: легальные и моральные. Суть «всякой нравственной ценности поступков состоит в том, что моральный закон непосредственно определяет волю» [6, с. 183]. В данном случае нет акцента на бездействии человека.

Само знание есть деятельность утверждает С.Н. Булгаков. Знание, в частности, систематизированное научное знание, как деятельность никогда не имеет чисто объективного характера, но всегда имеет перед собой объект. Оно есть постоянно осуществляемое тождество субъекта и объекта, переходящее из потенциального в актуальное, в выявляемую связь вещей, Логос мира [1, с. 244–245]. У Гегеля, например, есть мысль о тождестве бытия и мышления [2].

Новые замыслы появляются и в науке, отмечает Булгаков. В действительности же творческие мысли, новые замыслы и «в науке получаются не из бухгалтерской деятельности рассудка, они рождаются, восходят в сознание из недр досознательного тождества, Софии. Они осеняют своих творцов, аналогично тем, как вдохновение осеняет художника» [1, с. 245–246]. Произведение можно признать одухотворенным, если через него открывается людям божественная мудрость. Это может быть как изображение природы, так и изображение человека. Наука дает человеку картину природы, а творчество стремиться раскрыть духовное содержание предмета восприятия.

Вообще в жизни происходит синтез логичного и алогичного. Чуждость всякого «психологизма» есть отчужденность от жизни, которая сверхлогична и не исчерпывается логическим мышлением, конечно, недостижима, и самое стремление это есть порождение болезненного интеллектуализма [1, с. 58–59]. У Гуссерля, например, нет чуждости психологизма, но отчужденность от жизни в его взглядах присутствует [3].

Одним из направлений философской мысли Булгакова является хозяйство с точки зрения философии. «Наша эпоха любит богатство – не деньги, но именно богатство – и верит в богатство, верит даже больше, чем в человеческую личность» [1, с. 38–39]. Данное высказывание С.Н. Булгакова актуально и в современной действительности. Конечно, сейчас многие люди нацелены на то,

чтобы накапливать богатство. При этом, они не всегда используют полностью то, что накопили. Например, коллекционеры.

Наиболее подробно тему богатства и накопительства всегда рассматривала политическая экономия. Одним из недостатков данного направления является то, что политическая экономия трудовое действие сузила до «производительного» труда, выражющегося в материальных благах. Все внимание было сосредоточено на объективной стороне труда, на его периферии. Было оставлено без внимания и вне рассмотрения его значение в качестве моста между субъектом и объектом, по которому субъект вообще выходит в объект и осуществляет в нем свои идеи, проекты или модели, утверждает С.Н. Булгаков [1, с. 138]. Свои основные проекты хозяйственной и другой деятельности человек черпает не из своего сознания, но из бессознательного. Любой творческий процесс начинается как раз с активной работы бессознательного. Человек воспринимает откровение, новую идею из своего бессознательного. Пытается воплотить ее в материальную форму и донести до общества. Конечно, нередко возникает такая проблема как определение стоимости произведенного продукта, созданной вещи.

Идейный основатель политической экономии К. Маркс утверждает, что продукт труда стоит ровно столько, сколько в него вложено труда. Следовательно, «один и тот же труд в равные промежутки времени создает равные по величине стоимости, как бы не изменялась его производительная сила» [7, с. 75]. Однако, цена продукта меняется на рынке и связана, прежде всего, с меновой стоимостью. Меновая стоимость полезного эффекта, как и меновая стоимость всякого другого товара определяется стоимостью затраченных на него элементов производства. Сюда относят рабочую силу и средства производства плюс прибавочная стоимость, созданная прибавочным трудом рабочих [8, с. 45]. Далее, Маркс определяет ценности как сгустки или кристаллы труда, труд же как затрату человеческой энергии.

Помимо политической экономии К. Маркс является сторонником социализма, который разделяет этическое учение. Булгаков настаивает на том, что социализм по крайней мере одной своей стороной всецело есть этика хозяйства, учение о хозяйственном долженствовании, обращающееся, конечно, к человеческой воле, к ее свободе [1, с. 357–358]. Основным произведением, совмещающим политическую экономию и социализм остается «Капитал» Маркса, в котором труд понимается как затрата умственных и физических сил человека. О духовности и творчестве совсем не говорится. Хотя возможно рассматривать марксистское учение на наличие в нем духовности через этику. Вообще Маркс в «Капитале» противопоставляет класс капиталистов и пролетариат, что понятно всем [9]. Этика Маркса заключается в том, что он пытается приравнять эти два класса, обозначить их равные права и свободы.

Вообще развитие экономических наук предопределяет экономический материализм. Этот воинствующий экономизм утверждает хозяйственную природу всей культуры и всего человеческого творчества, говорит Булгаков. Он «ищет хозяйственной подосновы даже для самой высшей и, казалось бы, наиболее духовной жизни» [1, с. 365]. Человек в хозяйственной деятельности осваивает природу, производит продукты, но очень часто сам становится заложником данных вещей, теряет свою свободу. Свобода воспринимается в экономическом материализме с позиции активной хозяйственной деятельности. Возникает вопрос: что представляет собой человек, либо он такая же вещь в общем механизме природы, либо он является собой активное творческое начало. Кант относительно данного положения вывел антиномию: «наряду с причинно-следственными отношениями нет свободы и, наоборот, наряду с причинно-следственными отношениями есть свобода» [5, с. 286]. Во всяком случае можно отметить, что в экономике соединяется как в творчестве иррациональный и рациональный компонент. Духовность, несомненно, должна присутствовать в хозяйственных отношениях, хотя бы как этическое начало.

По мнению Булгакова экономический материализм не учитывает то, что люди рождаются различными, ибо различны их души. Вообще существа тварные свободны уже в акте рождения. Творец почтил венец Своего творения настолько насколько оно в человеке возвысилось до духовности, до личности, своим образом неограниченного бытия. Поэтому и природа соединяется с Богом лишь в человеке как существе природно-сверхприродном. Поступки и решения всегда причинно обусловлены или мотивированы, это факт, но это – причинность не механическая, а психологическая, которая устанавливается при участии свободного решения субъекта. Потому «сама свобода воли остается трансцендентна, недоступна научному опыту, знающему лишь события, уже совершившиеся факты» [1, с. 257–270]. Тем не менее поступки человека запечатлеваются на истории человечества.

Таким образом, С.Н. Булгаков рассматривает хозяйство с позиции творчества, духовности, наличию в нем божественного начала, Софии. Во многом он критикует И. Канта за схематизм и теоретизирование в познании явлений мира, отсутствии признания алогического в жизни и познание. Политическую экономию и экономический материализм Булгаков стремится дополнить категориями «свободы», «творчества», «духовности». Сам же Булгаков отстаивает действенное начало в жизни, ее логичность, а главное алогичность. Критикует хозяйствственные учения за присущий им прагматизм, который распространяется на все общество и затрудняет развитие всего потенциала личности.

Список литературы

1. Булгаков С.Н. Философия хозяйства / Отв. ред. О. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2009. – 464 с.
2. Гегель. Наука логики. В 3 т. Т. 3. – М.: Мысль, 1972. – 371 с.
3. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. – М.: Академический проект, 2009. – 486 с.

4. Кант И. Сочинения в 6 т. Т. 5. Критика способности суждения / Под. общ. ред. В.Ф. Асмуса, А.В. Гулыги, Т.И. Ойзермана. – М.: Мысль, 1966. – 564 с.
5. Кант И. Сочинение в 6 т. Т. 6. Критика чистого разума. – СПб.: Наука, 2008. – 607 с.
6. Кант И. Сочинение в 6 т. Т. 4. Критика практического суждения. Ч. 1–2. – СПб: Наука, 2007. – 528 с.
7. Маркс К. Капитал. – Т. 1. – М.: ACT, 2001. – 565 с.
8. Маркс К. Капитал. – Т. 2. – М.: ACT, 2001. – 568 с.
9. Маркс К. Капитал. – Т. 3. – М.: ACT, 2001. – 648 с.